

Октябрь 1917 года

*(к 100-летию Великой Октябрьской
социалистической революции)*

Тебе не месяцем осенним,
Октябрь, в календаре стоять,
А тёплым, солнечным, весенним,
Как месяц май – благоухать!

В тот год, когда над Петроградом
«Авроры» залп с Невы блеснул,
Под шум и грохот канонады
Ты людям подарил весну.

Весна, как небо на рассвете,
Над всей Россией зажглась
И в первый раз за все столетья
Народным счастьем началась.

И даже в пасмурную осень
Горит, Октябрь, Твоя звезда,
Тебя народы превозносят
И не забудут никогда.

Незатухающим и вечным,
Как солнце, будешь Ты сиять,
Тебя – весною человечьей
Планета стала называть!

Октябрь, не месяцем осенним
Тебе в календаре стоять,
А тёплым, солнечным, весенним,
Как месяц май – благоухать!

Красная панама

Тот день я помню и сейчас,
Когда, держась за руку мамы,
Пришёл я в школу, в первый класс,
В своей пурпуровой панаме.

Мне сшила коммунистка-мать
Её из красного батиста,
С тех пор и стали люди звать
Меня сыночком коммуниста.

Не знаю, понимал ли я
В том возрасте значенье цвета?
Но знал, что вся моя семья
Жила по ленинским заветам.

Каким счастливым быть могло
Ученье классное в начале!
Но мне в тот день не повезло –
Панамку у меня украли...

Обида хлынула волной
И обожгла мне больно душу...
Вид сделав, что мне всё равно,
Я стал все разговоры слушать...

Не затевал ни с кем я ссор,
(Чтоб не сказали, что я нытик),
И вскоре мной был найден вор,
Им был сосед, мой сверстник – Витька.

Панамы красная моя,
По глупости его великой,
Лежала в яме средь тряпья –
Она алела там гвоздикой...

И я, как молодой петух,
Напал на Витьку с кулаками
И проявил победный дух
В суровой драке между нами.
Скользил дерущийся клубок
По школьно-гладкому паркету...
Конечно, сорван был урок,
Нас с Витькой привлекли к ответу.

Супрун вёл с нами разговор –
Сверлил директорским нас взглядом,
А мы, сопя, потупив взор,
Стояли молча с Витькой рядом:

Под глазом у меня – синяк,
У Витьки – кровь течёт из носа...
Но было ясно, Витька – враг,
И безо всякого допроса,

Что Витьке оправдания нет,
(Я верил в это очень твёрдо),
И что панамы красный цвет
Я защищал достойно, гордо!

Двадцатый век

Двадцатый век в две трети мой,
Со всеми потрохами:
С колхозом, с армией, с войной,
С НИИИТом¹ и стихами...

Он увлекал в простор дорог,
Мечта² меня манила,
Двадцатый век – МОЙ суд и бог,
Кузнечное горнило.

Я славлю МОЙ двадцатый век –
Без лести, без укора,
Хотя и много человек
Наделал в нём позора...

¹ Институт импульсной техники

² Жить при коммунизме

Текущий век – уже НЕ МОЙ,
Меня он позабудет,
И позовёт других на бой –
Для них горнилом будет...

Но в этом нет большой беды,
Так было все столетья,
Ведь только миг – полёт Звезды,
И миг – тысячелетья.

Двадцатый век – МОЙ светлый миг,
Он был МОЕЙ судьбою,
В делах и помыслах моих
Он был всегда со мною.

Двадцатый век мне подарил
Жену, детей и внуков:
Я всех их искренне любил –
В общеньях и в разлуках.

Я жил, работал, и умел
Трудиться не вполсилы...
Ах, сколько было разных дел –
Хороших, добрых, милых!

Россия к звёздам поднялась
В победах... и в потерях,
Чтоб охранять её – спецсвязь
Мне мой народ доверил.

Я с нею многое прошёл,
Жил за её бронёю,
Признание, как поэт, обрёл
И стал самим собою.

К 58-летию моего пребывания на шифровальной службе

Это было уже так давно –
В середине двадцатого века,
И судьбой моей было мне суждено
Стать военным тогда человеком.

Вот в такие ж весенние дни,
А точнее – десятого марта¹,

¹ 1949 года

Для меня в первый раз загорелись огни
Шифровально-секретного старта.

В этот день я впервые надел
На крестьянские плечи погоны,
И взяла меня жизнь в свой крутой передел,
По армейским неся гарнизонам.

Я во многих краях побывал –
В Средней Азии и за границей,
И везде шифровал, шифровал, шифровал...
Вдалеке от советской столицы.

Тридцать лет, по велению Страны,
Меня ратная служба носила,
Я Советский Союз охранял от войны,
И у нас была мощная сила!

Знали силу Великой Страны
Люди Старого, Нового Света,
И была безопасность от новой войны
Обеспечена нам паритетом...

Но промчались уж те времена,
Я в бессрочном запасе доньше,
Только память, бросая свои семена,
Охраняет Союза твердыню.

Жизнь не терпит застоя и тлена,
Жизнь – движенье, стремленье вперёд:
И опять после армии я вдохновенно
Вновь ушёл в «шифровальный полёт»!

Как свободная птица в зените,
Не боясь никакой высоты,
Четверть века опять шифровал я в НИИИТе
Под эгидой заветной мечты...

И всегда СССР предо мною
Простирал указующий Перст,
И всегда мне дарил он, я это не скрою,
Ещё свой поэтический Крест.

В повседневной служебной заботе
Проходил шифровальный мой путь:
Пятьдесят восемь лет, на любимой работе,
Я берёг шифровальную суть!

Моя ностальгия (На 90-ом году жизни)

Головою седую уткнуь я в подушку –
Отстранюсь от сурового мира сего,
Буду думать о милой моей деревушке,
Что на свете для сердца дороже всего.

Охвачу её мысленно любящим взором,
Буду всё, от земли до небес, вспоминать:
И поля, и леса, и долины, и горы,
И солдата-отца, и колхозницу-мать,

И друзей из счастливого раннего детства,
И из юности трудной – крестьянских парней,
Что оставили мне дорогое наследство
Октября,
 комсомольских,
 партийных идей.

Знаю, сердце моё вновь сильнее забудётся
И окрепнет моя с малой родиной нить,
И душа коммуниста как птица взовьётся –
Станет легче дышать,
 и работать,
 и жить!

Нет, людям я не всё пока сказал,
Не совершил я свой последний выдох.
Коммунистический не умер идеал
И от забвения не высох.

Ещё с друзьями я стихами говорю
И строгой критикой за это не обижен,
Ещё живу, работаю, творю,
Бываю редко неподвижен.

Ещё мой мир, как встарь, просторен и широк,
И он пока меня не отвергает,
Наоборот, как бабочку цветок,
К себе манит и привлекает.

Ещё душа моя пылает горячо
И в поэтический заветный, тайный час
Ещё порой садится на моё плечо
Крылатый конь поэзии – Пегас!